

Ясный весенний денек. Солнце ласково пригревало землю.

"На сегодня всё, господин", – молодой чиновник отвесил поклон.

"Благодарю за труды", – отозвался тоненький голосок.

Мальчику, который только что так вежливо разговаривал со взрослым мужчиной, на вид было не больше шести лет. Как только за чиновником закрылась дверь, мальчишка вытянул ноги и прошипел:

"Черт возьми... Ноги отсидел".

Он разминал затекшие от долгого сидения на коленях ноги и смотрел в окно.

За черепичными крышами расстилалось ясное голубое небо.

Мальчик вздохнул.

"Эх... Хорошо быть принцем, но почему именно третьим? Да еще и сын Седжона..."

Он снова тяжело вздохнул.

"Вроде и реинкарнация, а радости никакой..."

Мальчик, который только что произнес слово "реинкарнация" – то самое слово, в которое никто бы не поверил, услышав его из уст ребенка, – был Джинхо, вернее, его новая инкарнация.

Он переродился Ли Хяном, старшим сыном короля Седжона, будущим королем Мунджоном.

* * *

Когда Джинхо впервые открыл глаза, он решил, что находится в каком-то передвижном госпитале. Прямо перед глазами у него были деревянные балки.

'У кого же в нашей деревне дом с такой крышей?..' – Джинхо пытался вспомнить, но тут его осенила другая мысль: 'Какая же здесь просторная палата... И что это меня так сковывает? Неужели переломы такие серьезные, что пришлось в гипс упаковать?'

Он с трудом повернул голову и обомлел.

Его тело, крошечное, запеленутое с ног до головы, лежало на спине.

"А?" – невольно вырвалось у Джинхо.

В этот момент до него донесся женский голос.

"Госпожа! Господин проснулся!"

Джинхо понадобилось целых три дня, чтобы осознать всю глубину своего нового положения.

Он лежал в колыбели, ел, спал, пачкал пеленки – и считал балки на потолке. Но мысли в его голове неслись с бешеной скоростью.

'Я точно переродился... Но где я? Вроде бы Чосон*, но...'

Чосон* — корейское государство, существовавшее с 1392 до 1897 года. В этот период страной правила династия Ли.

Джинхо не мог понять, где он оказался. Он не понимал языка.

'Может, это какой-то другой мир, похожий на Чосон? Было бы забавно', – думал он.

Так прошло три месяца. Джинхо постепенно начал различать слова и с ужасом понял:

'Так это и правда Чосон! Ну и дела...'

Он даже не хотел задумываться о том, что с тех пор прошло уже больше пятисот лет.

Чтобы хоть как-то разобраться в ситуации, Джинхо начал вести себя странно, что, разумеется, не укрылось от внимания родителей.

"Господин, кажется, наш сын – не простой ребенок", – с тревогой говорила жена мужу.

"Мне тоже так кажется, – соглашался муж, – я это с самого начала заметил".

"Вот именно поэтому я и переживаю", – отвечала жена.

"Я тоже", – вздыхал муж.

Чем больше родители убеждались в необычности сына, тем сильнее становилось их беспокойство.

'Королевская семья, значит? Хм...' – Джинхо, не обращая внимания на тревоги родителей, анализировал ситуацию.

Во-первых, его отец – член королевской семьи.

Во-вторых, они живут в Кэсоне. А столица Чосона – Ханян.

Следовательно, его отец – не наследник престола.

В-третьих, судя по одежде родителей и разговорам слуг, у них куча денег.

В-четвертых, насколько Джинхо помнил из истории, королевская семья старалась держаться подальше от придворных интриг.

Следовательно, можно не беспокоиться о еде и безопасности, а учиться по минимуму.

В-пятых, судя по всему, он – старший сын. Значит, проблем с наследством не будет.

В-шестых, он помнил все, что знал в прошлой жизни.

В-седьмых, если он начнет использовать свои знания, это сочтут за чудачества королевской особы.

'Ну просто сказка! – Джинхо ликовал. – Жизнь удалась!'

Он был так доволен своими умозаключениями, что расплылся в улыбке.

'Нужно только выучить тысячу иероглифов, и еще немного по мелочи... Седжон Великий вроде бы хангыль изобрел – надо будет подучить. Ну и, если верить учебникам, в это время европейцы уже всю шастали по Китаю. Найду пару китайских книжек, переведу – и все дела! Гениально!' – Джинхо сиял от счастья.

Нянька, увидев улыбку малыша, радостно воскликнула:

"Госпожа! Господин улыбается!"

"И правда, – мать с любовью посмотрела на сына, – чему же ты так радуешься?"

Она покачала колыбель, оглядываясь по сторонам.

Все было как обычно, только муж сидел за книгой и читал вслух. 'Наверное, ему нравится, как отец читает', – решила мать и погладила сына по головке.

"Ты уже так любишь слушать книги! Быть тебе великим ученым", – прошептала она.

Увы, она ошибалась.

Джинхо тем временем продолжал строить планы.

'Итак, начнем с родителей...'

Когда он впервые увидел лица родителей – отекавшие после родов щеки матери уже спали, – его посетила мысль: "Кто детей надоумил жениться так рано?"

Конечно, в 21 веке ранние браки были редкостью, а вот в Чосоне – в порядке вещей.

'Ладно, женитьба в юном возрасте – это полбеда, – думал Джинхо, – но вот их одежда...'

Он с подозрением разглядывал шелковые халаты родителей.

'Если судить по историческим драмам, то одеты они... как-то старомодно. Вроде начало Чосона. Ну, может, конец... Король Сонджон? Или Ёнсан-гун? Хотя, если это времена Ёнсан-гуна, то мне не поздоровится!'

Джинхо никак не мог определить, в какой период истории Чосона он угодил, и это не давало ему покоя.

* * *

Прошли первые испытания новорожденного – 21 день и 100 дней. Приближался первый день рождения, и дом наполнился родственниками со стороны матери.

И вот, однажды...

"Оставьте нас", – приказала мать слугам.

"Слушаюсь, госпожа", – нянька и служанки вышли из комнаты.

"Госпожа, – бабушка по материнской линии обратилась к своей дочери тихим голосом, – ваш

супруг все так же проводит время за чтением?"

"Он, как и прежде, увлечен науками", – с гордостью отвечала мать Джинхо.

Бабушка взяла ее за руку и, наклонившись ближе, прошептала:

"Поведение наследного принца вызывает все больше вопросов. И это бросает тень на твоего мужа. Говорят, что отец госпожи уже начал действовать. Вам с супругом следует быть осторожными и не привлекать к себе внимания".

Мать Джинхо побледнела.

"Матушка! Что ты такое говоришь?"

"Никому ни слова. И будьте осторожны", – бабушка вышла из комнаты.

Мать Джинхо смотрела ей вслед и молчала.

'Вот черт! – Джинхо лихорадочно соображал. – Хотят наследного принца сместить, что ли? Кто там у нас был проблемным...'

'Седжон пришел к власти, сместив старшего брата... А сколько всего было попыток переворотов? – Джинхо нахмурился. – Слишком много неизвестных...'

"Хян-и*, что случилось? – мать наклонилась над сыном, который хмурился, – у тебя что-то болит?"

-и* - уменьшительно-ласкательная форма обращения к детям в Корее.

Она быстро проверила, не мокрый ли он, поправила одеяло и строго посмотрела на мать.

"Матушка, давай забудем этот разговор. И больше ни слова об этом".

"Х-хорошо", – пробормотала бабушка.

"Я провожу тебя до дверей", – отрезала мать.

Бабушка поспешно удалилась. Мать Джинхо проводила ее взглядом и устало опустилась на пол.

"Ну и дела..."

'Неужели меня ждет участь раба? – с тревогой думал Джинхо. – Вот это я влип...'

Он узнал, в каком году и в какой семье ему "посчастливилось" родиться, только на своем первом дне рождения.

* * *

"Поздравляем!" – гости, разодетые в шелка, наперебой поздравляли родителей Джинхо.

Отец Джинхо кланялся в ответ на каждое поздравление.

'Кажется, мой отец – не последний человек в королевстве. Интересно, это хорошо или плохо?' – Джинхо с подозрением разглядывал гостей.

'Как бы нам не остаться у разбитого корыта', – думал он.

"Хян-и, почему ты такой грустный? – мать взяла Джинхо на руки. – Ты описался?"

Джинхо вздохнул.

'Ладно, Хян-и так Хян-и. Придется привыкать'.

Он никак не мог решить, кто он – Джинхо или Хян. Но в этот момент он принял решение.

'Отныне я – Хян. С воспоминаниями о Джинхо', – решил он.

В этот самый момент, когда Джинхо, то есть Хян, определился со своей новой личностью, в комнате появились двое молодых людей, лет двадцати пяти.

"Ха-ха! Чхуннён! Поздравляю! – весело кричали они. – Госпожа, примите и мои поздравления!"

"Госпожа, поздравляю", – второй мужчина был более сдержан.

Гости расступились перед вошедшими.

"Добро пожаловать, Ваше Высочество", – раздались приветствия.

"Ваше Высочество, мы рады приветствовать вас", – гости кланялись в пол.

"Приветствую", – один из молодых людей небрежно махнул рукой.

Он подошел к матери Хяна и, расправив полы халата, спросил:

"Госпожа, позвольте взглянуть на вашего первенца".

"Для меня большая честь, Ваше Высочество", – мать передала Хяна принцу.

'Улыбайся! – приказал себе Хян. – Улыбайся же!'

Он изо всех сил изобразил на лице улыбку. Наследный принц рассмеялся:

"Ха-ха! Чхуннён! Он весь в тебя! Такой же смывленный!"

"Благодарю, Ваше Высочество", – отец Хяна склонил голову.

"Не стоит так официально, мы же братья. Вот в чем твоя беда – вечно ты чванишься", – наследный принц укоризненно покачал головой.

Он вернул ребенка матери и сел на почетное место. Праздник продолжился.

Хян никак не мог прийти в себя.

'Чхуннён? Так значит, моего отца зовут Великий принц Чхуннён?! То есть, мой отец – Седжон Великий?! А я – Мунджон?! А мой сын – Танджон?!' – мысли лихорадочно проносились в его

голове.

Он пришел в себя только тогда, когда началась церемония тольджаби, во время которой ребенку предлагают выбрать один предмет из нескольких, определяя его судьбу.

"Ну что же, посмотрим, что выберет наш юный принц!" – провозгласил наследный принц.

Перед Хяном разложили несколько предметов.

Все с любопытством смотрели на него.

'Так, что тут у нас? Кисть, рис, слиток золота, хурма, шелковая нить, деревянный меч... Скукота', – Хян оглядывал предметы.

Внезапно его взгляд остановился на серьге в ухе наследного принца.

'Неужели в то время могли делать такие украшения?' – спросил он себя.

Он протянул руку.

"А?" – удивился наследный принц.

"Я?" – пробормотал Хян.

Неожиданно для всех, он схватил принца за серьгу.

"Серьга?" – шептали гости.

Хян сжал серьгу в кулачке.

<http://tl.rulate.ru/book/114223/4366829>